

Александр Никитич Севастьянов –

кандидат филологических наук, член Союза писателей и Союза журналистов России, член редакционного совета журнала «Вопросы национализма», автор многих книг, среди них: «Национал-капитализм», «Национал-демократия», «Итоги XX века для России», «Русская идея, век XXI», «Время быть русским!», «Россия – для русских!», «Этнос и нация», «Диктатура интеллигенции против утопии среднего класса», «Победу не отнять! Против власовцев и гитлеровцев», «Уклоны, загибы и задвижки в русском движении»

В подражание или в назидание: для чего нам нужен византийский опыт

*История засорена обломками государств,
которые пытались совместить различные
этнические, лингвистические либо религиозные
группы в пределах одной верховной власти.*

Артур Шлезингер-младший

Нация и Государство – вот коренной вопрос, который в первую очередь встает в раздумьях о византийском опыте. Сама история поставила поистине бесценный эксперимент длиной в тысячу лет, призванный его разрешить. Но собственно в чем данный вопрос состоит?

Я хочу предложить его в такой постановке, которая больше всего должна волновать русское общество после распада Советского Союза. А именно: сохранимся ли мы, русские, как нация, сохранив при этом свое государство? Не повторим ли мы злую и печальную участь ромеев, потерявших и государство, и судьбу? Отжили ли мы уже как этнос отмеренный

Когда после убийства Калигулы сенат хотел восстановить республику, именно римский народ не позволил этого сделать. Ведь народу все равно, люди какой национальности заправляют делами в государстве и «угнетают» его.

Клавдий

Преемник Калигулы Клавдий охотно предоставлял права римского гражданства уже не италикам, но вообще любым иноплеменикам — грекам и варварам.

нам исторический век и готовимся ли сойти со сцены — или у нас есть шанс продлить

собственное существование, в то же время не попав под чуждое владычество, как это

произошло со многими народами Византийской империи? Своеобразный историк и историософ Лев Гумилев полагал, будто весь процесс от зарождения до гибели этноса (он почему-то называл этот процесс этногенезом) занимает в среднем 1200—1400 лет. Этот период он объявил нормой. Однако, присмотревшись, мы легко убедимся, что на самом деле судьбы народов гораздо более разнообразны и часто не укладываются в приведенную схему.

Прежде всего обращают на себя внимание этносы, мелькнувшие, как метеоры, по небосклону истории и мгновенно погасшие, этносы-эфемериды, этносы-однодневки (по историческим меркам, разумеется, то есть жившие несколько столетий в лучшем случае). С другой стороны, мы можем наблюдать этносы, срок жизни которых в несколько раз длиннее того периода «этногенеза», что отпустил им Гумилев. Принимая эти факты к рассмотрению, мы должны, конечно, иметь в виду, что этнос, вопреки учению Гумилева, вовсе не поведенческий стереотип, а биологическое сообщество, связанное общим происхождением, имеющее общую генетику и общую «семейную историю».

Гибель этноса, происходящая подчас очень быстро, на памяти одного поколения (так погибли, например, хазары, могикане или тасманийцы), не бывает случайной. Она, как правило, оказывается следствием накопившихся этнополитических ошибок. Неважно, сознательно они совершались или нет. Эти ошибки порой настолько наглядны и разительны, что мы вправе говорить в таких случаях об этносах-самоубийцах, добровольно устремлявшихся навстречу собственной гибели.

Напротив, есть этносы, историческое существование ко-

торых исчисляется многими тысячелетиями (к примеру, китайцы, индоарии, евреи, древние египтяне), хотя и они порой вставали на грань жизни и смерти и подвергались угрозе исчезновения. Мы вправе предположить, что некогда эти этносы-долгожители сумели нащупать во тьме грядущего верный путь, сумели разгадать секреты выживания. Сумели открыть — быть может, стихийно — законы науки этнополитики. Наградой за что и стала исключительно долгая жизнь, устремленная в будущее.

Что же будет с нами, русскими?

Весь XX век русскую нацию ломали об колено, поработали и уничтожали разные народы, используя при этом, увы, огромную социальную энергию восставших русских масс, которые предпочли классовую солидарность — солидарности национальной. Результат вполне закономерен: утратив и пока не восстановив свою элиту, мы встали на пороге вымирания и деградации.

Мы, русские, находимся сейчас в положении неустойчивого равновесия, пройдя в истории как раз такой путь, чтобы либо умереть, исчезнуть, либо учесть чужой опыт (да и свой тоже), составить верный рецепт выживания и долгожительства — и жить дальше. Разделим мы участь хазар или аваров (это их наши летописи ставят в отрицательный пример — «погибоша, аки обре») или сумеем продлить нашу историю еще на пару-тройку тысячелетий — вот вопрос сродни гамлетовскому «быть или не быть».

Хочется верить, что мы ответим — «быть».

Но мало просто ответить. Надо приложить усилия в нужном направлении, чтобы утвердить такой ответ в реальности. А для этого надо знать, где оно,

Темпы процесса этнического размывания римского гражданства стремительно ускорялись. Наконец, в 212 году император Каракалла даровал права римского гражданства практически всему свободному населению Римской империи.

это направление. Необходима хотя бы краткая летопись роковых этнополитических ошибок и гениальных этнополитических достижений.

В этой летописи Византии принадлежит особое место, так как Россия считается преемницей империи ромеев. Находятся и такие, которые ста-

вят нам Византию в пример. Считают ее образцом для подражания.

Я стою на прямо противоположных позициях. А почему — постараюсь объяснить.

Для этого необходимо погрузиться в историю. И постичь, как и почему возникла, жила и погибла Византия.

Фрагмент мозаики из храма Святой Софии. XI век

В кругу византологов сложилось мнение о «византинизме» как духовном феномене, выразившем некую духовную общность Второго Рима. Но существовала ли на самом деле эта духовная общность, покрывавшая якобы собою имперское пространство? В этом приходится усомниться.

Что Второй Рим унаследовал от Первого

*Свободой Рим возрос,
а рабством погублен.*

Александр Пушкин

Очень важно понять: никто и никогда специально не создавал Византию. Византия — всего лишь зараженный тлеющим обрубком сгнившей Римской империи. Когда Рим уже шел ко дну, Восточная Римская империя отделилась и потому спаслась. Это был способ уцелеть, сохранить старое, а вовсе не создать новое. Хотя в дальнейшем не прекращались попытки создать это новое, но ничего прочного

так и не получилось: империю все время трясло, как в лихорадке, а спасало (до поры) каждый раз какое-нибудь чудо — счастливое стечение обстоятельств.

Будучи относительно богатой и удачливой страной, Византия протянула, догнивая, всего чуть более тысячи лет, но весь этот срок ее терзали внешние нашествия и внутренние неурядицы. Она то распадалась, то вновь собиралась, все сокращаясь в границах и возможностях, лишь временами отнимая у еще более слабой Западной Римской империи части ее владений, но затем опять их теряя, — пока не утратила все без остатка, включая столицу и имя.

Тысяча лет агонии — так и только так следует характеризовать ее бытие.

Какую гнилость я имею в виду? Какие болезни получил Второй Рим в наследство от Первого?

Если говорить упрощенно, Византия унаследовала общество, лишенное естественной иерархии — национальной и социальной. И еще усугубила в своем кратком существовании оба недостатка.

Любое здоровое биологическое сообщество естественным образом подразделяется на четыре группы — высококоранговые особи, средневисокоранговые, средненизкоранговые и низкоранговые. Эти группы распределяются по «кривой Гаусса»: минимальное количество по полюсам, максимальное — между полюсами. В мире есть единственное идеальное человеческое общество, мудро организованное в соответствии с этим законом природы. Это разделенная на четыре основные варны (касты) Индия, хотя в XX веке разложение коснулось уже и ее. Подобное устройство явилось залогом социальной стабильности полуострова на протяжении более двух тысяч лет.

Таким был когда-то и Рим периода республики. «Сенат и народ правят Римом» — в этом слогане было отражено мудрое государственное устройство. Аристократическая олигархия (элита) вела страну по пути побед и успехов, а единокровный ей, плоть от плоти, народ имел твердые гарантии того, что этот путь обеспечивает и его конечное благо. Относительно небольшого количества рабов хватало для обслуживания всех слоев общества.

Мину под это правильное устройство подложило рабовладение, неуклонно расширявшееся вследствие военных побед и изменявшее социальные и национальные пропор-

Иоанн Златоуст

ции государства. Абсолютное большинство рабов были инородцами, представителями этносов, побежденных римским оружием. Однако, в отличие от индоариев, изначально превративших покоренных дравидов навечно в шудр и организовавших свою (и их!) жизнь по имевшим религиозную силу законам Ману, древние римляне не закрепили кастовое деление общества. Не догадались на уровне религии сделать неизменяемой социальную принадлежность хотя бы только высокоранговых и низкоранговых слоев.

Что получилось в результате? Уже в I веке нашей эры вольноотпущенников в Риме было так много, что Тацит заметил: «Если обособить вольноотпущенников, то станет очевидной малочисленность свободнорожденных». Императоры,

ведя вечную борьбу с аристократией, охотно опирались на этот слой, национально, как правило, чуждый и даже враждебный (представители побежденных и поработанных народов, как-никак) римскому этносу. В такой борьбе императоры находили союзников и среди римских плебеев. Недаром, когда после убийства Калигулы сенат хотел восстановить республику, именно римский народ не позволил этого сделать. Ведь народу все равно, люди какой национальности заправляют делами в государстве и «угнетают» его: пролетарии не имеют не толь-

ко отечества, как заметил Маркс, но и национальности. Лишь бы не своя родная, хорошо знакомая и ненавидимая всей душой аристократия! Вот как смотрели на дело простые римляне.

Впрочем, что представляли собой к тому времени «простые римляне»? Этническое наполнение этого слова-символа непоправимо изменилось — и продолжало изменяться все сильнее с каждым десятилетием. Особенно с установлением власти императоров, для которых национальная принадлежность их подданных не имела принци-

После провозглашения христианства единственной религией всей империи Феодосием Великим можно припомнить много проявлений болезней религиозного роста Византии – хотя бы драки ревнителей христианства с остальными жителями Константинополя при Иоанне Златоусте!

Монета императора Льва Исавра. VIII век

Истоки иконоборчества следует искать в сосуществовании в ареале Византии трех авраамических религий, из которых две – иудаизм и ислам – отвергают всякое идолопоклонство.

пиального значения, как им казалось, в отличие от их количества. Преемник Калигулы Клавдий охотно предоставлял права римского гражданства уже не италикам, но вообще любым иноплеменникам – грекам и варварам, за что его клеймил в стихах Сенека. Но голос философа был бессилен что-либо изменить. При его воспитаннике Нероне в Риме чужеземцев было уже больше, чем коренных римлян. Темпы процесса этнического размывания римского гражданства стремительно ускорялись. Наконец, в 212 году император Каракалла даровал права римского гражданства практически всему свободному населению Римской империи.

Пали последние рубежи, произошел качественный скачок, сменился – ни много ни мало – субъект истории. На смену бывшей римской нации времен республики пришло римское согражданство. Рим окончательно перестал быть Римом, а римляне – римлянами. Римом стало некому гордиться, Рим стало некому любить, некому защищать, ведь вся эта масса

«римских граждан», за исключением уже немногочисленных и не сохранивших свою породу потомков жителей Лациума, была связана с гордым именем лишь номинально. Для абсолютного большинства подданных Рим ассоциировался с насилием, войнами, угнетением, с вековой борьбой их собственных этносов против Рима... Что же им было любить, защищать, чем гордиться? Попользоваться благами римского гражданства – это за милую душу, но умирать за Рим?!

Одновременно с размыванием этнической основы Рима закономерным образом шла его культурная деградация. Это коснулось главного – веры, языка, искусства. В столице Ойкумены утвердилось множество иноземных культов, особенно восточных. Тацит по этому поводу досадовал, что в Рим «отовсюду стекается все наиболее гнусное и негодное», причем именно в столице империи все это «находит приверженцев». Последние великие произведения римской литературы относятся к рубежу нашей эры, что неудивительно, поскольку ла-

тынть перестала быть национальным языком истинных римлян. Язык умер заживо, он перестал жить живой жизнью породившего его народа, превратившись в чисто служебное средство межнационального общения. Из латыни, образно говоря, вынули душу (то же самое сегодня происходит с русским языком, так что много объяснять здесь не приходится). В этнически смешанном обществе сам собою выродился и художественный вкус, зримо упало великое античное искусство архитектуры и скульптуры, особенно скульптурного портрета: в нем начали доминировать явно дегенеративные типы – результат расово-этнического смешения. Слом национальной, этнической иерархии сопровождался в императорском Риме доламыванием и социальных перегородок, установлением пресловутых «социальных лифтов» (совершенно противоестественным, уродливым и зловердным явлением, порожденным инородческими элитами). Процесс затронул и сам институт императоров, в результате чего на римском троне стали возникать фигуры странные и чуждые традиционному римскому обществу. Попросту сказать, инородцы и маргиналы.

Фрагмент мозаики из храма Святой Софии. XI век

Не стало центра, не стало государствообразующего этноса — римлян. Некому и незачем стало все держать, сопротивляться разложению и внешней экспансии. «Новые римляне» уже не видели особой разницы между собой и варварским миром и готовы были слиться с ним в одно целое. Что и произошло в 476 году, когда варвар Одоакр овладел властью в Риме и стал править Италией. Византию породил Рим, а отделили — урвали для себя — августы-правители, чем спасли ее от участи Западной империи. В борьбе с готами и гуннами Восточная империя поплатилась лишь временными потерями. Но при этом Византия — Второй Рим — унаследовала, впитала в себя все, чем был гнусен Первый Рим эпохи упадка. Из этого упадка, как из помойной ямы, она и произрастала, с него началась.

Без хозяина

Всяк сущий в ней язык...

Александр Пушкин

Никакой «византийской нации» никогда не было. Было

Пытаясь залить пожар вечной войны не кровью, а золотом, Византия от рождения до смерти своей работала на эту самую войну.

византийское согражданство. И была страна, разноплеменным согражданам которой временно было выгоднее и безопаснее жить вместе, чем порознь. Они платили огромные налоги (а куда денешься?), содержа наемные войска и откупаясь золотом и шелками от нашествий врагов.

Какой народ создал Византию? Такого народа не было и нет. Византия доживала и доживала остатки двух великих империй — Александра Македонского (породившей некогда феномен эллинизма) и непосредственно Римской. Но к моменту, когда Византия начала самостоятельный путь в истории, ни эллинов, ни римлян в их настоящем значении уже давно не существовало.

Какие же скрепы удерживали эту страну от распада в течение тысячи лет? Среди них мы не найдем главную — единый государствообразующий народ. Византия изначально не имела этнического стержня. Нам

иногда подсказывают: это, мол, были греки. Но это неправда. Греки составляли лишь небольшой сегмент в народонаселении Византии и никогда даже не пытались ее создавать. Они только научились в ней выживать, используя центральное положение и прикрываясь со всех сторон другими народами, — но не более того.

Достаточно взглянуть на карту этносов «Большой Византии» IV—V веков, чтобы убедиться в том, что грекам принадлежала весьма малая часть этого лоскутного одеяла. Правда, в этой части находилась столица империи — Константинополь, но и население этого города было этнически неоднородным. Конкуренция за власть и за влияние, за роль государствообразующего этноса между многими народами империи была постоянной. И конкуренция эта была нездоровой, она не укрепляла, а наоборот, рас-

Император и воины. Миниатюра из «Романа об Александре Великом». XIV век

По мере разорения стратиотов иностранные наемники начинали играть все более и более заметную роль в армии.

шатывала страну. Различия в быту, морали, культуре и т.п., между этническими регионами были настолько велики, что существовали даже специальные кодексы для провинций (иудейской, персидской, эллинской и т.д.) применительно к местному обычному праву. Вся эта пестрая смесь именовала себя ни греками и ни эллинами, а только ромеями (римлянами), подчеркивая этим, что речь идет не о нации, а о согражданстве. В кругу византологов сложилось мнение о «византинизме» как духовном феномене, выражавшем некую духовную общность Второго Рима. Но существовала ли на самом деле эта духовная общность, по-

крывавшая якобы собою имперское пространство? В этом приходится усомниться. Что правда, то правда — эллинистическая культура, еще в IV веке до нашей эры распространившаяся на этих землях с приходом Александра Македонского, служила некоторой общей основой для взаимопонимания между названными народами. Римское согражданство добавило к этой основе также некоторое ощущение общности. Но лишь до поры до времени. Как, впрочем, и остальные две скрепы империи — язык и христианская вера. Других скреп не было, да и эти оказались ненадежными. Для начала о языке. Обратим внимание на яркий и характер-

ный факт: Византия вообще не дала образцов высокой литературы во всех основных ее формах — поэзии, прозе и драматургии. Когда говорят о сколько-нибудь выдающихся памятниках византийской словесности, имеют в виду лишь житийную литературу, ораторское искусство, памятники юридической и исторической мысли, эпистолярное наследие. Но не собственно литературу, где особых достижений не отмечено. Точно так же, как и Рим, по сути, прекратил литературное творчество после Вергилия и Овидия. Причина в обоих случаях одна и та же. Латинский язык с течением времени потерял значение национального языка латинян и превратился в служебный язык межнационального общения множества

народов Римской империи. Аналогичная история вышла и с греческим языком. Да ведь он и не был изначально соприроден огромному большинству населения Восточной Римской империи — хотя, правда, и не совсем чужд благодаря походу Александра. Вытеснив (за долгие пятьсот лет!) совсем уж чужеродную латынь, греческий язык так и не стал родным для всех народов Византии. Один чужой язык сменился другим чужим языком — только и всего. А что же можно создать на служебном языке, который не является органическим порождением тела и души народа, который не связан тысячами незримых нитей с самыми глубинными его корнями? Только служебную же литературу, преследующую вполне практические, далекие от чистого искусства цели. В многонациональном имперском сообществе по-другому и не могло быть.

Интересно, что латынь, преобразовавшись вначале в вульгарную латынь (язык межнационального общения почти всей Европы), в дальнейшем эволюционировала в пределах Италии и вернула-таки себе значение национального языка — итальянского для итальянцев. Что немедленно дало себя знать в великопных достижениях итальянской литературы уже в раннем Средневековье. Да и в других странах к моменту гибели Второго Рима уже существовала Большая Литература на национальных языках. Но в Византии ничего подобного не произошло: здесь некого поставить в один ряд с Петраркой, Данте, Боккаччо, Чосером, Вийоном, куртуазной поэзией Прованса и Бургундии, Эразмом Роттердамским, Себастьяном Брандтом и др. Это немотствование входит в общий счет, по которому византийцы расплачивались за бремя империи.

Своеобразной реакцией собственно греческого этноса на присвоение его национально-го языка всем населением Византии и на низведение этого языка до уровня служебного явилось возникновение так называемых социолектов — по сути, двух разных греческих языков: языка простонародья (и инородцев) и языка рафинированной интеллигенции. Это разделение сопровождало постепенный переход от старогреческого к новогреческому языку и сохранилось до наших дней. Общеупотребительный, расхожий язык оказался отделенным от языка образованных слоев, нарушилось живое единство не только национального языка, но и народной души и судьбы греков. Литературное бесплодие — прямой результат этого уродливого явления. А оно, в свою очередь, — непосредственное следствие уродливого общественного устройства.

Не лучшим образом обстояло дело и с религиозной скрепой империи. «Великая христианская империя», какой нам ее представляют, никогда не жила устойчивой, благополучной, уверенной в своей истинности духовной жизнью. Напротив, она все время содрогалась в конвульсиях браний, порой кровавых. Лично я всегда с сокрушением сердечным думаю о том, из каких недостойных рук мы получили светоч христианства. Моря крови и слез пролились из-за арианства, несторианства, павликианства, монофизитства, богомилства, монофелитской унии, иконоборчества и разделение Церквей в 1054 году. И все эти уродства и отклонения основывались на почве национальных различий, находивших себе выход в различиях религиозных.

Измученное вероисповедными внутренними неурядицами византийское православие в конце концов сдалось на милость

победителя и согласилось на унию с Римской церковью (Лионский собор 1274 года), просуществовав всего лишь двести двадцать лет после разделения Церквей. (Правда, уния была разорвана после смерти Михаила VIII Палеолога, но вскоре заключена следующая уния на Ферраро-Флорентийском соборе в 1439 году.) В 380 году Феодосий Великий провозгласил христианство единственной религией всей Римской империи. С тех пор можно припомнить много проявлений болезней религиозного роста Византии: взять хотя бы драки ревнителей христианства с не вполне христианизированными жителями Константинополя при Иоанне Златоусте! А Юстиниан II сжигал еретиков, особенно армянских монофизитов.

Но все это были цветочки по сравнению с тем, что началось в VIII—IX веках. Я имею в виду иконоборчество — наиболее яркую страницу «духовных исканий» Византии.

Истоки иконоборчества следует искать в сосуществовании в ареале Византии трех авраамических религий, из которых две — иудаизм и ислам — отвергают всякое идолопоклонство. Влияние этой идеи охватило не только византийские диоцезы, непосредственно населенные мусульманами и иудеями или расположенные в приграничье — рядом с арабами и персами, но и глубоко проникло во все слои византийского общества. И дело даже не только в том, что императоры стремились устранить провоцировавший, раздражавший момент в отношениях с иудейским и мусульманским миром, уничтожить все преграды, камни преткновения, мешавшие укрепить там свое влияние. Просто ревность о «правильном христианстве» расколола византийское общество сверху донизу. При этом немаловажную роль сыграл и

фактор многонациональности империи и ее кесарей — Льва III Исавра, Льва IV Хазара и Льва V Армянина. Прозвища-этнонимы главных акторов иконоборчества говорят о многом. (Что касается исавров, то так назывался воинственный народ Малой Азии, Лев Гумилев считал их потомками киликийских пиратов.) За императорами-иконаборцами стоял соответствующий этнический духовный опыт и предпочтения. А за ними — межэтнические противоречия, определяющие обычно все и вся.

Проявлялся этнический фактор и во внутренних распрях. Иногда возникает такое впечатление, что противоестественное постоянное проживание бок о бок разноплеменных масс заряжало все общество мощнейшим зарядом нетерпимости и агрессии, который только ждал повода, чтобы разразиться взрывом. То есть отсутствие национальной скрепы у Византийской империи не могло быть компенсировано наличием скреп-симмулякров — языка и религии. Первичное, изначальное не подменяется вторичным, производным. У Второго Рима не было народа-хозяина, этот факт нельзя ни отменить, ни прикрыть каким-либо фиговым листком.

Дом без хозяина непрочен и преисполнен скверн.

Злато и булат

Метались смущенные народы...

Александр Пушкин

Можно задаться вопросом: как же при всех этих внутренних противоречиях, раздраях и нестроениях Византия умудрялась выживать в недружественном окружении и протянула все же целых тысячу сто двадцать три года (если считать от переноса столицы из Рима в Константинополь в 330 году)? Почему ее никто так

долго не мог уничтожить, разорвать, как разорвали Западную Римскую империю?

На это есть несколько ответов.

Во-первых, Византию все же неоднократно и не без успеха разрывали, отдирая каждый раз немалые куски. Своего максимального размера, как в VI веке, она в дальнейшей своей судьбе уже никогда не достигала. К середине XI века она сократилась практически до Балкан и части Малой Азии, а накануне окончательного падения и вовсе не имела ничего, кроме столицы.

Во-вторых, Византии долгое время попросту везло. Ее географическое положение позволяло ей, играя на противоречиях могущественных соседей (готов и гуннов, славян и аваров, персов и арабов, русских и болгар, турок и монголов и т.д.), нейтрализовывать за счет этого непосредственные угрозы своему существованию. Византийцы были искусными дипломатами. Но все угрозы возобновлялись, когда с одной из сторон исчезал противовес.

В-третьих... Но тут надо обратиться к военной истории Римской империи, которая заслуживает самого пристального внимания. Характерные особенности имперского бытия проявляются в ней очень выпукло.

В византийскую армию с самых первых веков существования Восточной Римской империи был открыт широкий доступ инородцам — как в составе целых отрядов, так и в индивидуальном порядке. Племена варваров-наемников — так называемые федераты — поставляли Константинополю воинов определенной национальности за жалование. Командиры назначались из их же среды. Такие отряды, если затрагивались их этнические интересы или если появлялась возможность провозгласить василевсом своего

человека, тут же поднимали мятежи. Всегда не прочь разбить и разграбить врага послабее, они не очень-то упирались, когда дело становилось слишком жарким. Как таких вести в смертный бой? Никогда Византия не могла навести порядок железной рукой, нагнать на все окрестные народы ужас, как это умел Рим. Никогда никого не могла победить окончательно, как римляне — Карфаген, Грецию, Митридата и т.д. Она не имела возможности позволить себе войну не на жизнь, а на смерть (потому что наемники так не воюют) и никогда не добивалась, не давила отраженного врага.

Чужая провоцировавшая слабость Римской империи, ее гнилость, неготовность идти до конца, вечно враждебные соседи непрерывно испытывали и кусали ее со всех сторон. И — что делать! — Византия, неспособная к настоящей войне, предпочитала откупаться или подкупать офицеров противника. А значит, ей постоянно приходилось вытрясать деньги из своих же подданных. Контроль государства за деятельностью любого производителя или торговца был неслыханно жестким. Заслуженно жалкая участь «сограждан» — результат принципиально ложного (многонационального) устройства государства.

При этом получался порочный круг: откупаясь на время от одних врагов, римляне порождали у других надежду на такую же легкую поживу. Пытаясь залить пожар вечной войны не кровью, а золотом, Византия от рождения до смерти своей работала на эту самую войну, бесславно и бесплодно истощая внутренние производительные силы. Подобную стратегию однажды попытался оправдать василевс Константин Багрянородный, считавший, что государство ромеев противостоит всему остальному миру — миру

Тинторетто. Константинополь в осаде в 1204 году

варваров, в борьбе с которым хороши все средства: золото, обман или оружие. Традиционно предпочтение отдавалось первым двум.

Правда, Юстиниан II стал по образцу древних римлян формировать боевые пограничные соединения из местных крестьян (они просуществовали несколько столетий) и начал переходить к организации ополчения из местных граждан. Фемные войска из крестьян-стратиотов со временем стали основой византийской армии вместо наемных войск. Никифор I установил своего рода рекрутчину, связав землевладение с воинской службой и круговой порукой. Это также сильно укрепило армию. Никифор II освободил от налога тяжелых конников — катафрактос — и

В 1095 году был объявлен Первый крестовый поход, и это спасло Византию, поскольку крестоносцы на Востоке нуждались в ее поддержке. Смерть империи оказалась отсроченной — до катастрофы 1204 года.

даже их слуг, а также вообще заботился о стратиотах. Некоторые важные победы византийцев — в частности, ликвидация независимости болгар — стали результатом такой верной политики.

Впрочем, длился этот период не так уж и долго, да и система наемничества никогда не исчезала полностью. По мере разорения стратиотов иностранные наемники начинали снова играть все более и более заметную роль в армии. К самому концу XI века положение Византии оказалось на-

столько тяжелым, что император Алексей Комнин обратился с отчаянным письмом к западным государствам, умоляя их оказать помощь гибнувшей империи. Соблазняя христианских правителей рассказами о религиозных сокровищах и «о бесчисленных богатствах и драгоценностях», накопленных в Константинополе вообще и в храме Святой Софии в частности, он писал: «Мы отдаемся в ваши руки; мы предпочитаем быть под властью латинян, чем под игом язычников. <...> Мы не

Федор Ласкарис. Миниатюра из рукописи «Истории» Иоанна Зонары. XV век

После погрома 1204 года вокруг греческого города Никеи сложилось небольшое, зато мононациональное греческое государство со своим «императором» — Федором Ласкарисом.

можем положиться на те войска, которые у нас остаются, так как и они могут быть соблазнены надеждой общего расхищения». Император знал, о чем говорил. Ведь это он сам руководил

осадой Константинополя и брал его в 1081 году, возглавив мятеж, и был свидетелем того, как при первой возможности все мятежное войско бросилось грабить город: «Это была смешанная толпа фракийцев,

македонцев, ромеев, варваров. По отношению к соплеменникам они вели себя хуже врагов», — писал византийский хронист Иоанн Зонара. Хронист ошибся: они были не «соплеменниками», а всего лишь «согражданами». И вели себя именно по логике согражданства, когда никто никому не брат. Точно так же после падения Константинополя в 1204 году окрестные крестьяне, скупая за бесценок все подряд у вырвавшихся из кромешного ада горожан, злорадствовали: «Слава Богу, наконец-то и мы обогатились!»

Уже при Алексее Комнине римейское войско было фактически небоеспособным — катфракты малочисленны, стратиотское ополчение почти ликвидировано, наемники ненадежны. Вопрос фактически сводился к тому, кто и когда первым нанесет смертельный удар Константинополю, кому достанется главный приз. Но в 1095 году был объявлен Первый крестовый поход, и это спасло Византию, поскольку крестоносцы на Востоке нуждались в ее поддержке и за это присягали василевсам на верность, участвовали в совместных боевых действиях против «неверных». Смерть империи оказалась отсроченной — до катастрофы 1204 года.

На этом можно было бы и остановиться, но буквально сразу после погрома 1204 года вокруг греческого города Никеи сложилось небольшое, зато мононациональное греческое государство со своим «императором» — Федором Ласкарисом. Наемников в никейской армии было очень мало, а ее основу составили греческие прониары, получавшие в управление надель на условиях обязательной службы.

И случилось чудо. Греки, несмотря на ничтожные силы, остановили продвижение ла-

Провозглашение императором. Миниатюра из Мадридской рукописи «Хроники» Иоанна Скилицы. XII–XIII века

тинян, подняли народную войну, а вскоре превратили свою страну в сильнейшее греческое государство Малой Азии. Они обратили в бегство превосходившие их силы сельджуков, обеспечили мир с ними на несколько десятилетий. А вскоре и сказочно разбогатели, ведя мудрую экономическую политику. Латинская империя крестоносцев неуклонно сокращалась, а Никейская греков — росла. В 1261 году никейский император Михаил Палеолог взял Константинополь и восстановил Византийскую империю (хотя и в скромных масштабах). Так было наглядно продемонстрировано превосходство национального государства над многонациональной империей. Однако реанимировав многонациональную империю, византийцы обрекли себя на повторную — на сей раз уже необратимую — гибель. Опять вместо соплеменничества (основы всякой здоровой жизнеспособной нации) возник-

В наследство от императорского Рима эпохи упадка Римейской империи досталась своеобразная «демократическая монархия» в самом худшем виде — система выборных императоров, противостоящая меритократии.

ло согражданство — псевдонациональный симулякр. Первым симптомом неизбежного краха стала уния 1274 года, следующим — отдача Михаилом VIII своих дочерей за татарских правителей Абагу и Ногая. Потом было отлучение всех (!) жителей Византии от Церкви за разврат патриархом Афанасием, далее — союз Иоанна Кантакузина с турками в гражданской войне с Иоанном Палеологом, признание последним сюзеренитета султана Мурада I в 1373 году и т.д. В 1439 году была подписана очередная уния, и василевс ромеев коленопреклоненно облобызал руку папы, но это уже не помогло. К моменту штурма Константинополя в 1453 году от империи оставалась (не считая нескольких

островов и обезлюженной Мореи) одна только запустевшая столица, где проживали всего 35–50 тысяч человек.

Кровавый калейдоскоп

И высились, и падали цари...

Александр Пушкин

Недаром говорят: «Каков поп, таков и приход». Или: «Рыба тухнет с головы». Историю византийских императоров, претендентов и узурпаторов, их борьбы за власть, восхождений на престол и падений нельзя читать без дрожи омерзения. На страницах этой истории справляют свой триумф невежество, алчность, коварство, похоть, предательство, жестокость, бесстыжая

Никита Хониат. Миниатюра из рукописи «Истории» Никиты Хониата. Первая половина XIV века

Никита Хониат в XIII веке писал: «О, знаменитая римская держава, предмет завистливого удивления и благоговейного почитания всех народов, кто не овладевал тобою насильно? <...> Кого ты не заключала в свои объятия <...> и кого затем не покрывала венцом, не украшала диадемою и не обувала затем в красные сандалии?»

демагогия и прочие пороки всех сортов. Такой была жизнь двора и вообще высших кругов. А вся остальная страна просто воспроизводила подобную систему вплоть до последнего своего дня. Почему?

Некогда республиканская идея вознесла Первый Рим на высоту господства над миром. Падение этой идеи, начавшееся еще в конце старой эры, достигло своего дна во Втором Риме, найдя самое совершенное воплощение в священном

и богохранимом самодержавии. В наследство от императорского Рима эпохи упадка Римской империи досталась своеобразная «демократическая монархия» в самом худшем виде — система выборных императоров. То есть строй, противостоявший принципам не столько аристократии или республики, сколько меритократии. Династический принцип передачи власти по наследству оформился лишь в последние часы Византии. Но до этого в ней господствовали позднеимперские порядки, когда в результате действия «социальных лифтов» на троне мог оказаться любой. Никита Хониат в XIII веке писал по этому поводу: «Были люди, которые вчера или, словом сказать, недавно грызли желуди <...> а теперь совершенно открыто изъявляли свои виды и претензии на царское достоинство, устремляя на него свои бесстыжие глаза, и употребляли в качестве сватов, или лучше сводников, продажных и раболепствующих чреву общественных крикунов. <...> О, знаменитая римская держава, предмет завистливого удивления и благоговейного почитания всех народов, кто не овладевал тобою насильно? Кто не бесчестил тебя нагло? Кого ты не заключала в свои объятия, с кем не разделяла ложе, кому не отдавалась и кого затем не покрывала венцом, не украшала диадемою и не обувала затем в красные сандалии?»

Очень часто в этом калейдоскопе проявлялась воля простонародья. Более того, перед нами своего рода «византийская мечта» (по аналогии с нынешней «американской мечтой»). Константин Багрянородный симптоматично высказался в оправдание возвышения своего родоначальника, Василия Македонянина: «Случилось такое по мольбам людей вельможных и просто-

го народа, а также войска и военачальников и всех жителей всех земель и всех городов державы. Ибо все они молились, чтобы пришел к власти человек, вкусивший низкой судьбы, который бы знал, как мнут бока беднякам сильные мира сего, как безо всякого на то права обируют их, как восстают смиренные и попадают в рабство к своим соплеменникам». Подобных «вкусивших низкой судьбы» немало в истории византийских династий. Часто борьба за трон оказывалась закономерным результатом национальных отношений в империи. Исаурийская, Сирийская, Македонская, Армянская, Фракийская, Иллирийская династии сменяли друг друга. Временами они открывали дорогу к власти арабам, грекам, славянам. Соответственно соплеменная избраннику знать каждый раз перетягивала одеяло на себя. Вот такой благодатью была эта Византия.

Эпилог

Восстановить империю — значит окончательно похоронить русский народ.

Александр Солженицын

«Россия должна стать, как Византия», — говорят нам порой «доброжелатели».

«Не дай Бог!» — отвечаю я. Отчего погибла Византия? Это совершенно ясно и понятно. Византия погибла от собственной многонациональности и мультикультурности. Вот прямой и очевидный ответ на вопрос об уроках этой империи для нас, русских.

Рецепт долголетия этноса достаточно прост и в основном хорошо известен:

- ♦ эндогамные браки;
- ♦ жесткое семейно-брачно-сексуальное законодательство с запретом на все девиации;
- ♦ своя племенная (национальная) религия;

- ♦ своя племенная власть — даже под оккупацией, даже на чужбине, в гетто, в плену;
- ♦ вообще своя племенная элита всех видов — от административной и воинской до интеллектуальной и художественной...

Ничего этого не было у сограждан Ромейской империи. Византийцы никогда не были ни этносом, ни соответственно нацией. Они оставались всего лишь согражданством со всеми вытекавшими отсюда последствиями: внутренней нестабильностью и слабой защищенностью перед лицом внешних угроз.

Спору нет, Византия была во многом хороша, особенно с точки зрения малых и средних этносов. Но век ее был недолог — с 330-го до 1453-го. То есть всего-то 1123 года. Если мы и впрямь, как она, то нам уже пора собираться в гроб. Поскольку наша государственность, если считать с 862 года, от Рюрика, насчитывает 1150 лет.

Есть единственный способ избежать этого: преобразоваться в русское национальное государство. Только так мы сможем продлить свое существование. Ставка на империю — гибельна. Ибо тогда нужно смириться со смертью нации, а с нею — неизбежно — и государства. Но если умирать прежде времени неохота, то надо спасать русский народ, возрождать его к новой жизни. Нам нужно не российское согражданство, а полноценная русская нация. Только она сможет спасти страну от распада и гибели.

Иного не дано.

Византийский опыт приветствуют и проповедуют главным образом православные клерикалы. И то не все, а лишь те, которые ставят религиозное единство выше национального. Не понимая при этом, что только второе способно дать основу для первого. И забывая, чем в действи-

тельности была религиозная жизнь Византии.

История русского этноса и история России, к счастью, не имеют ничего общего с историей Византии. У нас есть главное, существеннейшее отличие — государствообразующий народ, русские. Поэтому любые попытки проводить параллель с Византией, брать с нее пример — несостоятельны и вредны для нас. А вот оценивать угрозы и вызовы, стоящие перед нами, с точки зрения плачевного византийского опыта можно и нужно.

Что такое двенадцать веков? Государство-«долгожитель» с таким возрастом — это пустяк. А вот этносы-долгожители (Индия, Китай, евреи) возрастом в разы больше — это предмет для размышлений, зависти, изучения и перенимания опыта. Какая нам радость, если русские исчезнут, утратят или сменят идентичность, а государство с именем «Россия» будет процветать? По мне уж лучше наоборот.

Пример евреев учит: этнос, если он сохраняет себя в веках, рано или поздно сможет восстановить, вернуть даже свою утраченную государственность. Но никогда и никакой Византии мы уже не увидим, поскольку некому ее возродить — нет тех ромеев (нынешние греки — не ромеи, а уж тем более не эллины).

Поэтому скажем себе прямо: нам нужно не государство-«долгожитель», пожирающий русский этнос, а русский этнос-долгожитель, поддерживающий свое государство.

Противопоставлять русских и Россию, как это порой, увы, делается, — ложный, ошибочный путь.

Но приоритеты должны быть расставлены четко и бескомпромиссно: вначале русская нация, а русское государство потом.

Телега не должна ехать впереди лошади. ☞